

УДК 159.9.07

СВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ И ПЛАНИРУЕМОГО ЭМИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТРЕХ СТРАН. ЧАСТЬ I. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ¹

© 2023 г. Н. В. Муращенко^{1,*}, В. В. Гриценко^{2,**}, М. Н. Ефременкова^{2,***}

¹ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

²ФГБОУ ВО Московский государственный психолого-педагогический университет;
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Россия.

*Кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований.
E-mail: ncel@yandex.ru

**Доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии
и психологических проблем поликультурного образования.

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

***Аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования.

E-mail: mnetema@yandex.ru

Поступила 02.12.2022

Аннотация. Выявление психологических механизмов формирования эмиграционных намерений молодежи — важное условие прогнозирования и профилактики ее оттока за рубеж. Цель исследования — сравнительный анализ связи компонентов планируемого эмиграционного поведения с ценностями у студенческой молодежи в различных социокультурных контекстах. В исследовании приняли участие 658 студентов вузов в возрасте от 18 до 25 лет. Это были граждане Беларуси ($n = 208$, 25% юношей, средний возраст — 19,8), Казахстана ($n = 200$, 26% юношей, средний возраст — 20,5), России ($n = 250$, 25% юношей, средний возраст — 20,0). Планируемое эмиграционное поведение оценивалось с помощью одноименного авторского опросника, разработанного на основе теории А. Айзена. Для диагностики индивидуальных ценностей использовалась сокращенная версия «Опросника портретных ценностей» Ш. Шварца («PVQ-21 — ESS»). Использовались статистический пакет IBM SPSS 23 и программа IBM SPSS Amos 23, проводились анализ различий (ANOVA), мультигрупповой конфирматорный факторный анализ и мультигрупповой путевой анализ. Выявлены различия в выраженности компонентов планируемого эмиграционного поведения, а также общие и культурно-специфические связи этих компонентов с ценностями у студентов трех стран. В первой части статьи представлены результаты тестирования мультигрупповой модели авторского опросника «Планируемое эмиграционное поведение» и кросскультурного анализа выраженности ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов трех стран. Подтверждена конфигурационная, метрическая и скалярная инвариантность мультигрупповой модели опросника. Выявлено, что у студентов из России менее выражено (чем у белорусов и казахстанцев) поведение по реализации эмиграционного намерения и представления об одобрении их возможного переезда со стороны значимых других. Данные о связи ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов трех стран будут представлены во второй части статьи и опубликованы в следующем номере журнала.

Ключевые слова: теория планируемого поведения, модель планируемого эмиграционного поведения, эмиграционное намерение, индивидуальные ценности, студенческая молодежь, мультигрупповой анализ.

DOI: 10.31857/S020595920026156-7

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросскультурный анализ».

За последние полгода проблема эмиграции молодежи из России обострилась в связи с объявлением о начале специальной военной операции России в Украине 24.02.2022. Согласно данным Росстата, число выбывших из России за период

с января по май 2022 г. (419 085 человек) в два раза превышает аналогичный показатель за этот период, зафиксированный в 2021 г. (202 562 человека) [13]. По данным ведомства, “с начала года продолжает наблюдаться миграционный отток населения России” [13, с. 234]. При этом есть основания полагать, что данная тенденция может сохраниться и во втором полугодии 2022 г., что может быть связано с ростом числа желающих уехать из России после объявления частичной мобилизации в стране 21.09.2022. Так, по данным российских и зарубежных СМИ, ссылающихся на официальные источники информации, власти Казахстана и Грузии в первую неделю после объявления в России частичной мобилизации зафиксировали значительное увеличение числа россиян, въезжающих в эти страны (более чем на 30% в сравнении с предшествующим периодом)².

Стоит отметить при этом, что тенденция роста числа уезжающих из России фиксируется на фоне общего снижения эмиграционных настроений россиян [21], в том числе и российской молодежи [20]³: если в феврале 2022 г. о своих эмиграционных желаниях сообщали 43% опрошенных в возрасте 18–24 лет, то в марте — 25% респондентов в данной возрастной группе. При этом нельзя исключать и то, что многие из желающих уехать из страны на момент данного опроса (24.03.2022 — 30.03.2022) могли уже осуществить этот переезд.

Научный анализ работ в области психологии эмиграции дает основания предполагать, что переезд за границу в текущих условиях выбирают те, кто не только материально, но и психологически к нему готов/предрасположен. Психологические факторы играют не менее значимую роль в формировании эмиграционного поведения, чем какие-либо другие [7]. В связи с этим ретроспективный анализ психологических предикторов планируемого эмиграционного поведения российской молодежи особенно важен как для понимания психологических движущих сил/ресурсов эмиграционного поведения в современной России, так и для анализа его последствий. Эти последствия связаны с прогнозированием характера изменений профиля российской молодежи в будущем: понимание психологических характеристик потен-

циальных/реальных эмигрантов дает возможность моделировать вероятные изменения в стране исхода при потере определенной категории граждан в результате их переезда [24]. И наиболее продуктивным в данном случае является социокультурный подход, позволяющий провести сравнительный анализ изучаемых феноменов и взаимосвязей у представителей разных культурных групп.

В данной статье мы представляем результаты исследования, проведенного в 2021 г. Целью исследования стал сравнительный анализ связи компонентов планируемого эмиграционного поведения с индивидуальными ценностями у студенческой молодежи в различных социокультурных контекстах (Беларусь, Казахстан и Россия). Проблема утраты молодого образованного человеческого капитала является особенно актуальной для этих стран и требует решения. За период с 2010 по 2021 г. доля молодежи в общей численности населения данных стран значительно снизилась [4], что обусловлено в том числе и международной мобильностью. В 2019 г., по данным Статкомитета СНГ, из России эмигрировали 401 тыс. человек, из которых 138 тыс. (34.4%) пришлось на молодежь в возрасте от 15 до 29 лет; из Беларуси уехали соответственно 26 тыс. человек (9.4 тыс. (36.2%) из которых — молодежь от 15 до 29 лет), из Казахстана — 39.8 тыс. человек (9.4 тыс. молодых людей от 15 до 29 лет (24.0%)) [4].

Несмотря на тесные экономические и культурные связи Беларуси, Казахстана и России, молодежь данных стран характеризуется своеобразием ценностно-мотивационных приоритетов [2–4; 12; 16]. Кросскультурный анализ психологических драйверов эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России может способствовать как лучшему пониманию причин и механизмов формирования эмиграционного поведения у образованных молодых граждан этих государств, так и выявлению социокультурной специфики планируемого эмиграционного поведения и опосредующих его факторов у молодых россиян.

Эмиграционный дискурс в последние годы был довольно актуален для российской молодежной среды как в офлайн- [5; 14; 18; 19], так и в онлайн-контекстах [1], даже в условиях пандемии COVID-19 [5; 18]. Однако желающих эмигрировать всегда больше, чем тех, кто не просто хочет переехать, но и что-то делает для осуществления своего желания [6; 38]. Желание выступает лишь отправной точкой, эмоциональным генератором запуска эмиграционной активности [26]. Наиболее значимым предиктором соответствующего поведения

² МВД Грузии сообщило число граждан РФ, въехавших в страну за последние 10 дней. URL: <https://www.newsgeorgia.ge/mvd-gruzii-soobshhilo-chislo-grazhdan-rf-vehavshih-v-stranu-zapоследnie-10-dnej/>; В Казахстан с 21 сентября въехали более 200 тысяч россиян. Депортировали семерых. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/10/04/15571807.shtml>

³ С 05.09.2016 “Левада-Центр” включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

выступает эмиграционное намерение [27; 31]. В рамках теории планируемого поведения А. Айзена [23; 28] намерение рассматривается как фактор готовности человека к поведению. Эмиграционное намерение — это фактор готовности к эмиграции, рубеж перехода на стадию осуществления переезда [8]. Намерение, в свою очередь, способствует реализации соответствующего поведения [28]. Согласно данным зарубежных исследований, теория планируемого поведения обладает немалыми прогностическими возможностями применительно к эмиграционному поведению: в среднем оно объясняется эмиграционными намерениями в 30–34% случаев [41]. Согласно модели А. Айзена, на намерение оказывают влияние три группы факторов [23; 28]: аттитюды в отношении эмиграции (позитивная или негативная оценка планируемого поведения человеком), воспринимаемые нормы в отношении эмиграции (мнение индивида по поводу ожиданий значимых других относительно планируемого поведения и готовность им соответствовать), а также воспринимаемый поведенческий контроль (показатель того, насколько легким или сложным кажется субъекту процесс реализации запланированного поведения).

Формирование соответствующих факторов, влияющих на эмиграционное намерение, во многом обусловлено возможностями и ресурсами, которыми обладает человек (как материальными, так и психологическими). При этом значимую роль в субъективной оценке собственных возможностей для осуществления эмиграции [5] и в формировании эмиграционного поведения в целом [5; 6; 10; 11; 33; 39] играют индивидуальные ценности. Согласно теории Ш. Шварца, ценности — это мотивационные, надситуативные цели, которые выступают руководящими принципами в жизни людей и оказывают влияние на их представления и поведение [35]. В рамках данной теории было описано 10 базовых ценностей, составляющих мотивационную основу субъекта (традиция, конформность, безопасность, самостоятельность, гедонизм, стимуляция, универсализм, благожелательность, достижения, власть). Позднее с опорой на данную модель была разработана более детальная система ценностей, состоящая из 19 элементов [17]. При анализе связи эмиграционных намерений и индивидуальных ценностей исследователи чаще обращаются к ценностно-мотивационным оппозициям (ценностям высшего порядка): Сохранения — Открытости изменениям; Самоутверждения — Самопреодоления [6; 10; 11; 39].

Наиболее полное представление о роли индивидуальных ценностей в процессе формирования

планируемого эмиграционного поведения российской молодежи может быть получено в результате *кросскультурного анализа не только связи ценностей с эмиграционными намерениями, но и связи ценностей с аттитюдами, воспринимаемыми нормами и воспринимаемым контролем* как факторами, влияющими на формирование эмиграционных намерений молодежи России и других стран. Согласно теории мотивации эмиграции, предложенной Е. Тартаковским и Ш. Шварцем [39], люди переезжают за границу, *чтобы достичь своих значимых мотивационных целей*, выраженных в индивидуальных ценностных предпочтениях. То есть сильная связь определенных ценностей и эмиграционных намерений может свидетельствовать о желании и невозможности реализовать данные мотивационные цели в стране исхода [6; 10; 11]. Однако ценности как фундаментальные психологические конструкты могут также выступать основой, *психологической ресурсной базой для реализации эмиграционного поведения* [6]. То есть важен анализ не только *мотивационного*, но и *ресурсного эмиграционного потенциала* индивидуальных ценностей, что связано еще и с тем, что эмиграционное поведение может быть многоаспектным и полимотивированным [25] и являться как *средством* достижения значимых целей, так и *самоцелью*, движимой стремлением к переменам, впечатлениям и т.д. В свою очередь, раскрытие *эмиграционного ресурсного потенциала ценностей* предполагает анализ их связи с теми факторами, которые оказывают наибольшее влияние на развитие эмиграционных намерений. В рамках теории планируемого поведения такими факторами являются установки в отношении эмиграции, воспринимаемые нормы и воспринимаемый контроль. Таким образом, кросскультурный анализ связи данных факторов с индивидуальными ценностями молодежи из Беларуси, Казахстана и России будет способствовать более глубокому пониманию процесса формирования эмиграционной активности молодых граждан этих государств, а также позволит определить, какие из факторов эмиграционного намерения в большей степени подвержены влиянию индивидуальных ценностей у молодых россиян в сравнении с белорусами и казахстанцами.

Существует немало исследований, демонстрирующих значимость связей между индивидуальными ценностями и факторами планируемого поведения в различных сферах: благотворительность [15], предпринимательство [30], употребление психоактивных веществ [34] и др. Однако нам не удалось обнаружить опубликованных научных психологических работ, отражающих характер связей индивидуальных ценностей (в терминологии Ш. Шварца) и факторов эмиграционных намерений

(рассматриваемых с позиции теории планируемого поведения А. Айзена). Но мы проанализировали исследования, демонстрирующие связь индивидуальных ценностей и эмиграционных интенций у представителей различных культурных, этнических и возрастных групп [6; 10; 11; 40]. Различия в связях между ценностями и *эмиграционными интенциями*, зафиксированные учеными в разных социокультурных контекстах, позволяют выдвинуть предположение о существовании культурно обусловленных различий в связях между ценностями и *факторами* эмиграционных намерений.

Итак, с одной стороны, опираясь на базовые положения теории планируемого поведения А. Айзена, мы предполагаем, что аттитюды, воспринимаемые нормы и воспринимаемый контроль в отношении эмиграции будут иметь положительные значимые связи с эмиграционным намерением, которое, в свою очередь, будет положительно связано с поведением по его реализации у студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России (1). С другой стороны, опираясь на основные положения теории базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца и доказанную значимую роль ценностей в формировании различных видов поведения, мы предполагаем, что метаценности (Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления) белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи будут иметь значимые связи с такими факторами планируемого эмиграционного поведения, как аттитюды, воспринимаемый контроль и воспринимаемые нормы (2). Принимая во внимание описанные в научных работах различия в связях индивидуальных ценностей и эмиграционных интенций, обнаруженные у разных культурных групп, мы предполагаем, что в различных социокультурных контекстах (у молодежи из Беларуси, Казахстана и России) связи между ценностями и факторами планируемого эмиграционного поведения будут иметь особенности (3).

В связи с отсутствием предваряющих научных исследований по соответствующей проблематике мы не формулируем частные гипотезы относительно *особенностей* связей между ценностями и факторами планируемого эмиграционного поведения у разных культурных групп. Тем не менее, опираясь на концептуальное содержание базовых конструкций теорий Ш. Шварца и А. Айзена, а также исходя из специфики самого эмиграционного поведения, мы предполагаем, что позитивные установки (аттитюды) в отношении эмиграции будут положительно связаны с ценностями Открытости изменениям и отрицательно — с ценностями

Сохранения. Наряду с этим уверенность в возможности реализации эмиграционного поведения у молодежи (воспринимаемый контроль), вероятнее всего, будет иметь положительные связи с ценностями Самоутверждения и Открытости изменениям. А представление о позитивном отношении значимых других к собственному эмиграционному поведению, возможно, будет связано с ценностями Сохранения (отрицательно), Открытости изменениям (положительно) и Самоутверждения (положительно). Однако предположить, какие именно сочетания связей проявятся в различных социокультурных контекстах, довольно сложно. Поэтому выводы об особенностях и детерминантах данных связей будут сделаны на основе эмпирических данных.

Проверка выдвинутых гипотез связана с решением ряда эмпирических задач, предполагающих:

1) тестирование мультигрупповой модели структуры авторского опросника “Планируемое эмиграционное поведение”;

2) кросскультурный анализ выраженности компонентов планируемого эмиграционного поведения и индивидуальных ценностей у студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России;

3) тестирование мультигрупповой модели связи индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи;

4) анализ общих и культурно-специфических особенностей связей индивидуальных ценностей и факторов эмиграционных намерений студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России.

В данной статье мы представляем результаты решения первых двух эмпирических задач. Результаты исследования, связанные с решением третьей и четвертой задач, будут отражены во второй части статьи в следующем номере журнала.

МЕТОДИКА

Участниками исследования стали 658 русскоговорящих студентов университетов — граждан Беларуси ($n = 208$, 25% юношей, средний возраст — 19.8), Казахстана ($n = 200$, 26% юношей, средний возраст — 20.5) и России ($n = 250$, 25% юношей, средний возраст — 20.0) от 18 до 25 лет. Среди белорусских респондентов 94% идентифицировали себя как белорусы (по национальности), среди казахстанских 54% отнесли себя к казахам, среди российских — 87% отнесли себя к русским. В онлайн-опросе

приняли участие студенты гуманитарного, технического и экономического направлений обучения из белорусских университетов Витебска, Гродно и Минска, из казахстанских университетов Нур-Султана, Павлодара, Усть-Каменогорска и из российских университетов Москвы, Омска, Пензы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Хабаровска.

Процедура сбора данных. Анонимный онлайн-опрос был организован на платформе anketolog.ru с января по апрель 2021 г. Ссылка на онлайн-анкету распространялась среди потенциальных респондентов преподавателями, сотрудниками и студентами университетов трех стран. Участие в опросе было добровольным, вознаграждение за участие не предусматривалось.

Инструментарий исследования. Для оценки компонентов планируемого эмиграционного поведения на основе рекомендаций, сформулированных в соответствии с базовыми положениями теории А. Айзена [22; 23; 28; 29], был разработан авторский опросник “Планируемое эмиграционное поведение”. Текст опросника представлен в приложении. Опросник содержит 14 утверждений: по три утверждения содержат шкалы “Эмиграционное намерение” (α Кронбаха: 0.90/0.91/0.88 для белорусской, казахстанской и российской выборок соответственно), “Аттитюды в отношении эмиграции” (α Кронбаха: 0.86/0.83/0.80), “Воспринимаемые нормы” (α Кронбаха: 0.90/0.89/0.87) и “Поведение по реализации эмиграционного намерения” (α Кронбаха: 0.86/0.89/0.87). Шкала “Воспринимаемый контроль” включает два утверждения (α Кронбаха: 0.80/0.71/0.77). Обработка результатов предполагает подсчет средних значений по каждой из пяти шкал, ключ представлен в приложении.

Диагностика индивидуальных ценностей осуществлялась с помощью сокращенной версии “Опросника портретных ценностей” Ш. Шварца (“PVQ-21 — ESS”), разработанного для Европейского социального исследования [36]. Опросник включает 21 утверждение и измеряет 10 базовых ценностей и 4 ценности высшего порядка (ценности Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления). Каждое утверждение опросника определенным образом описывает человека (например, “Для него важно придумывать новое, подходить ко всему творчески. Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом”). Респондентам предлагается ответить на вопрос о том, насколько этот человек похож на них, используя шестибалльную шкалу (от 1 — “совсем не похож на меня” до 6 — “очень похож на меня”). Обработка результатов осуществляется

путем подсчета средних значений по утверждениям, связанным с конкретными базовыми ценностями (1), а также с ценностями высшего порядка (2). В соответствии с целями исследования и инструкцией автора по обработке результатов опросника [37] мы проводили подсчет средних значений по утверждениям, соответствующим ценностям высшего порядка: ценности Сохранения (α Кронбаха: 0.63/0.58/0.68 для белорусской, казахстанской и российской выборок соответственно), Открытости изменениям (α Кронбаха: 0.67/0.68/0.69), Самоутверждения (α Кронбаха: 0.71/0.67/0.74) и Самопреодоления (α Кронбаха: 0.66/0.58/0.70).

Осуществлялось также *измерение семи контрольных переменных*. Респонденты указывали свой пол, возраст, количество иностранных языков, которыми они владеют, частоту выездов за границу, количество знакомых, друзей и родственников за границей, к которым они могли бы в случае необходимости обратиться за помощью, материальное положение, объективную дистанцию с COVID-19.

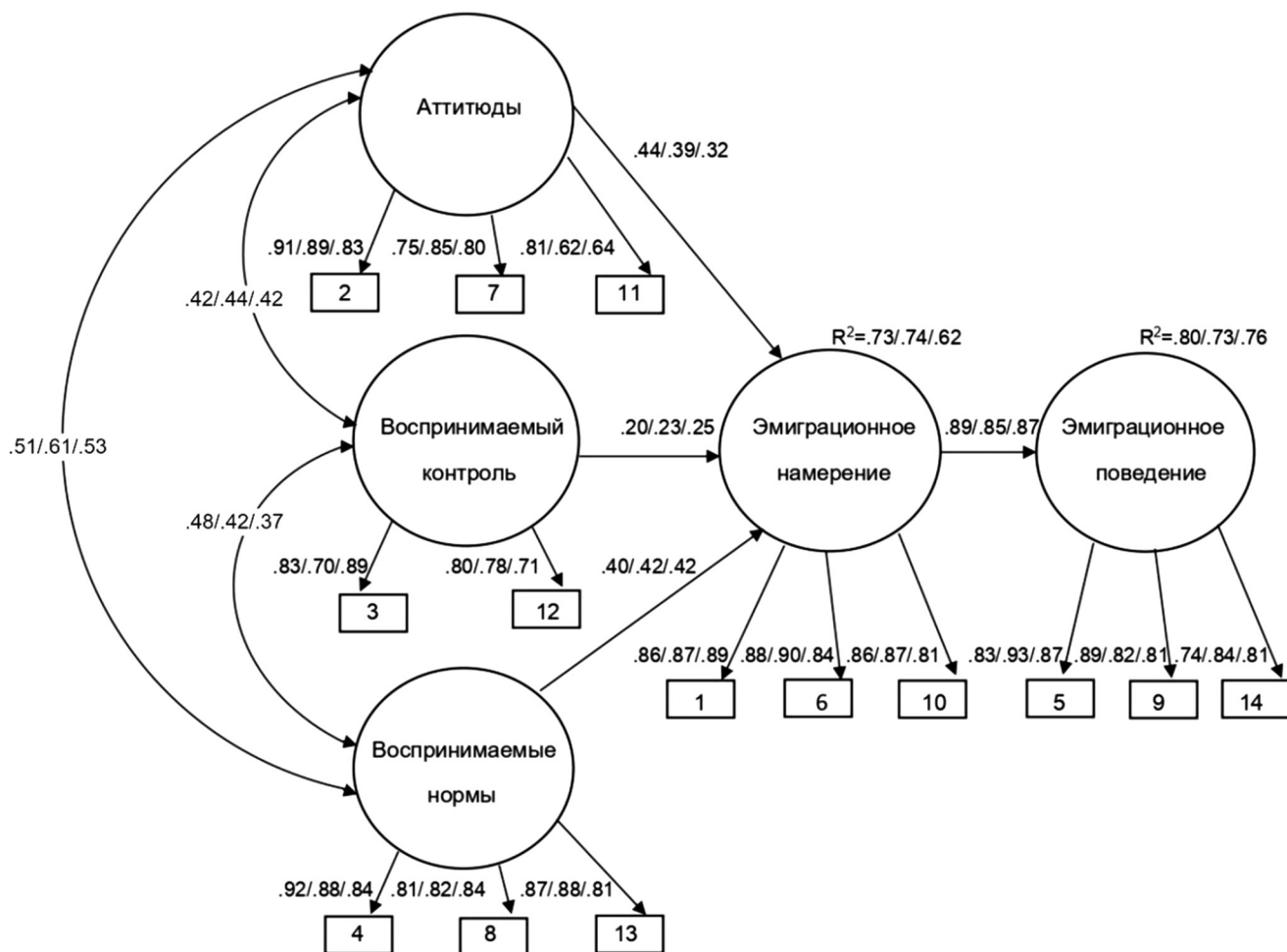
Методы обработки данных. Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 23 и программы IBM SPSS Amos 23. Применялись методы описательной статистики, анализ надежности шкал (коэффициент альфа Кронбаха), анализ различий (однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с использованием апостериорных критериев парных сравнений (Post Hoc)), множественный регрессионный анализ, мультигрупповой конфирматорный факторный анализ, мультигрупповой путевой анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассмотрим результаты тестирования мультигрупповой модели структуры авторского опросника “Планируемое эмиграционное поведение”. Модель включает 14 утверждений, объединенных в пять латентных факторов (рис. 1).

Мультигрупповая модель имеет хорошие показатели согласия [32], конфигурационная, метрическая и скалярная инвариантности присутствуют (табл. 1), все переменные входят в латентные конструкты со статистически значимыми нагрузками ($p < 0.001$) (см. рис. 1).

Анализ различий показывает, что у студентов из России в сравнении со студентами из Беларуси и Казахстана в меньшей степени выражено поведение по реализации эмиграционного намерения, а также представления об одобрении их возможного переезда со стороны значимых других (воспринимаемые нормы) (табл. 2). У белорусских

Рис. 1. Графическое представление результатов мультигруппового конфирматорного факторного анализа опросника “Планируемое эмиграционное поведение”, проведенного на белорусской/казахстанской/российской выборках (для удобства восприятия рисунок модели не перегружен изображением остатков и ошибок; все представленные коэффициенты статистически значимы на уровне $p < 0.001$; номера измеренных переменных в модели соответствуют номерам утверждений опросника “Планируемое эмиграционное поведение”, представленным в приложении)

Таблица 1. Статистики согласия мультигрупповой модели связи компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов Беларуси, Казахстана и России

Модель инвариантности	<i>CFI</i>	ΔCFI	<i>RMSEA</i>	<i>AIC</i>	<i>PCLOSE</i>	Chi-square	<i>df</i>	<i>p</i>
Конфигурационная	0.953		0.046	791.586	0.911	497.586	210	0.000
Метрическая	0.952	0.001*	0.045	781.778	0.964	523.778	228	0.000
Скалярная	0.944	0.009*	0.045	804.983	0.942	602.983	256	0.000

Примечание. *CFI* — сравнительный индекс согласия; *RMSEA* — корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации; *AIC* — информационный критерий Акаике; *PCLOSE* — тест значимости; Chi-square — критерий хи-квадрат; *df* — число степеней свободы; *p* — уровень значимости; * — $\Delta CFI < 0.01$.

и казахстанских студентов по данным параметрам статистически значимых различий не обнаружено.

Согласно средним значениям, во всех трех выборках наиболее выражены такие факторы формирования эмиграционного намерения, как позитивное отношение к эмиграции (аттитюды) и уверенность в способности ее осуществить (воспринимаемый контроль) (значения выше 3.8), нежели представления о позитивном отношении к переезду

за границу со стороны близких людей (воспринимаемые нормы) (значения ниже 3.0). Эмиграционные намерения, в свою очередь, выражены в большей степени, нежели поведение по их реализации, во всех трех выборках соответственно. Наряду с этим для белорусских, казахстанских и российских студентов (согласно средним значениям) характерна идентичная иерархическая структура ценностей высшего порядка: более значимы для студенческой молодежи ценности Самопреодоления

Таблица 2. Средние значения, стандартные отклонения и различия в показателях планируемого эмиграционного поведения и ценностях у студентов Беларуси, Казахстана и России

Переменные	Белорусские студенты	Казахстанские студенты	Российские студенты
	<i>M (SD)</i>		
Аттитюды в отношении эмиграции	4.36(1.25)	4.28(1.31)	4.46(1.10)
Воспринимаемый контроль в отношении эмиграции	3.85(1.38)	4.09(1.39)	3.85(1.33)
Эмиграционное намерение	3.26(1.50)	3.26(1.61)	2.97(1.38)
Воспринимаемые нормы в отношении эмиграции	2.93(1.52) р***	2.87(1.52) р**	2.40(1.27) б***, к**
Поведение по реализации эмиграционного намерения	2.56(1.35) р**	2.53(1.45) р*	2.20(1.21) б**, к*
Ценности Самопреодоления	4.55(0.77) к*	4.74(0.69) б*	4.62(0.78)
Ценности Открытости изменениям	4.44(0.72)	4.54(0.74)	4.50(0.73)
Ценности Самоутверждения	4.22(0.87)	4.17(0.92)	4.29(0.94)
Ценности Сохранения	3.84(0.78)	3.96(0.79)	3.80(0.81)

Примечание. р — статистически значимые различия с россиянами; б — статистически значимые различия с белорусами; к — статистически значимые различия с казахстанцами; * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.001$; компоненты планируемого эмиграционного поведения и ценности упорядочены в таблице по убывания согласно средним значениям.

и Открытости изменениям, нежели ценности Самоутверждения и Сохранения (см. табл. 2). В то же время, согласно результатам анализа различий, для казахстанских респондентов ценности Самопреодоления имеют большее значение, чем для белорусских студентов.

и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран будет представлен во второй части статьи в следующем номере журнала.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Мультигрупповой конфирматорный факторный анализ модели опросника продемонстрировал приемлемые показатели согласия [9] и наличие конфигурационной, метрической и скалярной инвариантности, что позволило сравнивать средние значения показателей и связи между компонентами планируемого эмиграционного поведения у студентов трех стран. В результате проведенного исследования обнаружены кросскультурные различия в выраженности двух компонентов планируемого эмиграционного поведения: воспринимаемые нормы в отношении эмиграции и поведение по реализации эмиграционного намерения. Студенты-россияне продемонстрировали меньшие показатели по данным параметрам, чем белорусские и казахстанские студенты. Межстрановые различия в выраженности индивидуальных ценностей у студенческой молодежи оказались незначительны, напротив, студенты трех стран продемонстрировали идентичную иерархическую структуру базовых ценностей.

Таким образом, в данной части статьи проанализированы сходства и различия в выраженности индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов — граждан Беларуси, Казахстана и России. Кросскультурный анализ связей индивидуальных ценностей

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриценко В.В. и др. Тематические онлайн-форумы как пространство для принятия решения об эмиграции и преодоления пре-аккультурационного стресса // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 69–79.
2. Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Молодежь современной Беларуси: базовые ценности, жизненные планы и поведенческие стратегии // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 469–481.
3. Ильинский И.М., Луков В.А. Московские студенты: трансформации ценностных ориентаций // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2020. Т. 20. № 1. С. 50–63.
4. Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет. М.: Статкомитет СНГ, ЮНФПА, 2021. 166 с.
5. Мураценкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н. “Хочу” и “могу” в эмиграционном дискурсе российской студенческой молодежи в условиях пандемии COVID-19: роль индивидуальных ценностей // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: Материалы 6-й Международной научно-практической конференции. М.: Перо, 2022. С. 151–159.
6. Мураценкова Н.В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 77–93.
7. Мураценкова Н.В. Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета

- дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 1. С. 25–41.
8. *Муращенко Н.В.* Эмиграционные интенции молодежи: теоретические основы изучения и категориальное разнообразие (обзор зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 3. С. 57–67.
  9. *Наследов А.* IBM SPSS Statistics 20 AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
  10. *Ромашева Ж.Ж., Калинин О.В., Малышев И.В.* Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. № 4 (40). С. 323–333.
  11. *Ромашева Ж.Ж.* Эмиграционные установки молодежи северных и южных регионов Казахстана в зависимости от индивидуальных ценностей // Minbar. Islamic Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 703–730.
  12. *Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В.* Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 97–109.
  13. Социально-экономическое положение России (январь–июнь 2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (дата обращения: 28.11.2022).
  14. *Сычев О.А., Белоусов К.И., Зелянская Н.Л., Аношкин И.В.* Миграционные намерения россиян: связь с идентичностью и моральными основаниями // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 52–63.
  15. *Титов А.С., Лепшокова З.Х.* Индивидуальные ценности предпринимателей как предикторы их планируемого благотворительного поведения // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 140–163.
  16. *Шарипова Д., Бейменбетов С.* Молодежь в Казахстане: оценка ценностей, ожиданий и стремлений. Алматы, 2021. 98 с.
  17. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
  18. Эмиграционные настроения — 2020: где родился, там и пригодился. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigracziionnye-nastroeniya-2020-gde-rodilsya-tam-i-prigodilsya> (дата обращения: 29.11.2022).
  19. Эмиграционные настроения россиян. 2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigracziionnye-nastroeniya-rossiyan-2018> (дата обращения: 29.11.2022).
  20. Эмиграционные настроения. 06.04.2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/04/06/emigratsionnye-nastroeniya-5/> (дата обращения: 29.11.2022).
  21. Эмиграционные настроения: мониторинг. 4 апреля 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracziionnye-nastroeniya-monitoring> (дата обращения: 22.11.2022).
  22. *Ajzen I.* Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (accessed: 10.08.2022).
  23. *Ajzen I.* The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. V. 50. № 2. P. 179–211.
  24. *Berlinschi R., Harutyunyan A.* Do Migrants Think Differently? Evidence from Eastern European and Post-Soviet States // International Migration Review. 2019. V. 53. № 3. P. 831–868.
  25. *Carling J., Collins F.* Aspiration, desire and drivers of migration // Journ. of Ethnic and Migration Studies. 2018. V. 44. № 6. P. 909–926.
  26. *Collins F.L.* Desire as a Theory for Migration Studies: Temporality, Assemblage and Becoming in the Narratives of Migrants // Journ. of Ethnic and Migration Studies. 2018. V. 44. № 6. P. 964–980.
  27. *Dommermuth L., Klüsener S.* Formation and realisation of moving intentions across the adult life course // Population Place and Space. 2018. V. 25. № 5. P. 1–24.
  28. *Fishbein M., Ajzen I.* Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.
  29. *Francis J. et al.* Constructing questionnaires based on the theory of planned behaviour: A manual for health services researchers. Newcastle upon Tyne, UK: Centre for Health Services Research, University of Newcastle upon Tyne. 2004. URL: <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/1735> (accessed: 28.11.2022).
  30. *Gorgievski M.J., Stephan U., Laguna M., Moriano J.A.* Predicting Entrepreneurial Career Intentions: Values and the Theory of Planned Behavior // Journ. of Career Assessment. 2018. V. 26. № 3. P. 457–475.
  31. *Hooijen I., Meng C., Reinold J.* Be prepared for the unexpected: The gap between (im)mobility intentions and subsequent behaviour of recent higher education graduates // Population, Space and Place. 2020. V. 26. № 5. P. 1–21.
  32. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2011. 432 p.
  33. *Leong C.-H.* The socio-psychological profile of prospective emigrants: Singaporeans leaving Singapore. // Immigration: Policies, challenges, and impact / Ed. E. Tarkovsky. Hauppauge, NY: Nova Science Publishers, 2013. P. 29–49.

34. *Morell-Gomis R. et al.* Predicting cannabis use among adolescents in four European Countries: combining personal values and the theory of planned behavior // *The Journal of Genetic Psychology*. 2020. № 181. P. 413–426.
35. *Schwartz S.H.* Basic individual values: Sources and consequences // *Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology* / Eds. D. Sander, T. Brosch. Oxford University Press, 2015. P. 63–84.
36. *Schwartz S.H. et al.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journ. of Cross-Cultural Psychology*. 2001. V. 32. № 5. P. 519–542.
37. *Schwartz S.H.* Instructions for Computing Scores for the 10 Human Values and Using them in Analyses. In *Documentation for ESS-1*. 2003. URL: http://ess.nsd.uib.no/ess/doc/ess1_human_values_scale.pdf/ (accessed: 30.11.2022).
38. *Tabor A.S., Milfont T.L., Ward C.* The Migrant Personality Revisited: Individual Differences and International Mobility Intentions // *New Zealand Journal of Psychology*. 2015. V. 44. № 2. P. 89–95.
39. *Tartakovsky E., Schwartz S.H.* Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // *International Journal of Psychology*. 2001. V. 36. № 2. P. 88–99.
40. *Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M.* Motivational goals, group identifications, and psychosocial adjustment of returning migrants: The case of Jews returning to Russia // *International Journal of Psychology*. 2017. № 52. P. 78–86.
41. *Van Dalen H., Henkens K.* Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005–10 // *Population Studies*. 2013. V. 67. № 2. P. 225–241.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Авторский опросник “Планируемое эмиграционное поведение”

Инструкция:

Отметьте, пожалуйста, степень своего согласия со следующими утверждениями, используя шкалу:

1 — абсолютно не согласен(на),	4 — скорее согласен(на),
2 — не согласен(на),	5 — согласен(на),
3 — скорее не согласен(на),	6 — абсолютно согласен(на).

№	Утверждения	1	2	3	4	5	6
1	Я планирую в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну						
2	Для меня решение переехать за границу в ближайшие 5 лет умное						
3	Переехать жить за границу в моих силах						
4	Большинство значимых для меня людей считают, что мне следует переехать жить за границу						
5	Я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу						
6	Я хочу в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну						
7	Для меня решение переехать за границу в ближайшие 5 лет приятное						
8	Члены моей семьи хотят, чтобы я переехал(а) жить за границу						
9	В настоящее время я стараюсь получить как можно больше информации из разных источников о стране предполагаемого переезда						
10	Я готов в ближайшие 5 лет переехать за границу						
11	Для меня решение переехать за границу в ближайшие 5 лет полезное						
12	Если я захочу, я смогу переехать жить в другую страну						
13	Большинство моих друзей считают, что мне следует переехать жить за границу						
14	Я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать за границу						

Обработка результатов предполагает подсчет средних значений по шкалам.

Ключ опросника:

Шкала “Эмиграционное намерение” — 1, 6, 10.

Шкала “Поведение по реализации эмиграционного намерения” — 5, 9, 14.

Шкала “Воспринимаемые нормы в отношении эмиграции” — 4, 8, 13.

Шкала “Воспринимаемый контроль в отношении эмиграции” — 3, 12.

Шкала “Аттитюды в отношении эмиграции” — 2, 7, 11.

VALUES AND PLANNED EMIGRATION BEHAVIOR AMONG STUDENTS FROM THREE COUNTRIES. PART I. INTRODUCTION TO STUDY⁴

N. V. Murashchenkova^{1,*}, V. V. Gritsenko^{2,**}, M. N. Efremenkova^{2,***}

¹HSE University;

101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.

²Moscow State University of Psychology & Education;

127051, Moscow, Sretenka str., 29, Russia.

*PhD in Psychology, Research Fellow of the Centre for Sociocultural Research.

E-mail: ncel@yandex.ru

**ScD in Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education.

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

***Graduate Student of the Department of Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education.

E-mail: mnemema@yandex.ru

Received 02.12.2022

Abstract. An important condition for forecasting and preventing the outflow of young people abroad is the study of psychological mechanisms of forming the emigration intentions of youth. The aim of this study is a comparative analysis of the relationship between the components of planned emigration behavior and the values of student youth in various sociocultural contexts. The participants of the study were university students aged 18–25 from Belarus ($n = 208$, 25% men, mean age = 19.8), Kazakhstan ($n = 200$, 26% men, mean age = 20.5) and Russia ($n = 250$, 26% men, mean age = 20.0). We used the questionnaire “Planned emigration behavior” which we developed as well as the shortened version of the “Survey of Portrait Values” by Sh. Schwartz (“PVQ-21 — ESS”). For statistical analysis we used SPSS Statistics version 23 and AMOS version 23. We did an ANOVA, a multi-group confirmatory factor analysis, and a multigroup path analysis. In this part of the article we showed the results of testing of the multi-group model of the author’s questionnaire “Planned emigration behavior” and cross-cultural analysis of the manifestation of values and components of planned emigration behavior among students of three countries. The configural, metric and scalar invariance of the multigroup model of the questionnaire is confirmed. According to the results, Belarusian and Kazakhtani students are more likely to implement emigration intentions in behavior than Russian students are. They are also more likely than Russian students to think that people who matter to them would approve of them moving abroad. We will present the relationships of values and components of planned emigration behavior among students of the three countries in the second part of the article in the next issue of the journal.

Keywords: theory of planned behavior, model of planned emigration behavior, emigration intention, individual values, student youth, multigroup analysis.

REFERENCES

1. Gritsenko V.V. et al. Tematicheskie onlain-forumy kak prostranstvo dlya prinyatiya resheniya ob emigratsii i preodoleniya pre-akkul'turatsionnogo stressa. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. V. 42. № 5. P. 69–79. (In Russian)
2. Danilov A.N., Rotman D.G. Molodezh' sovremennoi Belarusi: bazovye tsennosti, zhiznennyye plany i povedencheskie strategii. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2021. V. 21. № 3. P. 469–481. (In Russian)
3. Il'inskii I.M., Lukov V.A. Moskovskie studenty: transformatsii tsennostnykh orientatsii. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2020. V. 20. № 1. P. 50–63. (In Russian)
4. Molodezh' v Sdruzhestve Nezavisimykh Gosudarstv: statisticheskii portret. Moscow: Statkomitet SNG, YuNFPA, 2021. 166 p. (In Russian)
5. Murashchenkova N.V., Gritsenko V.V., Efremenkova M.N. “Khochu” i “mogu” v emigratsionnom diskurse rossiiskoi studencheskoi molodezhi v usloviyakh pandemii COVID-19: rol' individual'nykh tsennostei. *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya migrantov v sovremennom mire. Materialy 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow: Izdatel'stvo “Pero”, 2022. P. 151–159. (In Russian)
6. Murashchenkova N.V. Vzaimosvyaz' tsennostei i emigratsionnykh namerenii studencheskoi molodezhi

⁴ The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00156 “Social and psychological space of emigration intentions of youth: cross-cultural analysis”.

- g. Smolenska. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2021. V. 12. № 1. P. 77–93. (In Russian)
7. *Murashchenkova N.V.* Psikhologicheskie faktory emigratsionnykh namerenii molodezhi: obzor zarubezhnykh issledovaniy. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2021. V. 18. № 1. P. 25–41. (In Russian)
  8. *Murashchenkova N.V.* Emigratsionnye intentsii molodezhi: teoreticheskie osnovy izucheniya i kategorial'noe raznoobrazie (obzor zarubezhnykh issledovaniy). Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2021. V. 10. № 3. P. 57–67. (In Russian)
  9. *Nasledov A.* IBM SPSS Statistics 20 AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh. St. Petersburg: Piter, 2013. 416 p. (In Russian)
  10. *Romasheva Zh.Zh., Kalinichenko O.V., Malyshev I.V.* Svyaz' bazovykh tsennostei s emigratsionnymi ustanovkami rossiiskoi molodezhi. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2021. V. 10. № 4 (40). P. 323–333. (In Russian)
  11. *Romasheva Zh.Zh.* Emigratsionnye ustanovki molodezhi severnykh i yuzhnykh regionov Kazakhstana v zavisimosti ot individual'nykh tsennostei. Minbar. Islamic Studies. 2021. V. 14. № 3. P. 703–730. (In Russian)
  12. *Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Bogdan I.V.* Universalizm tsennostei studencheskoi molodezhi i razvitie rossiiskogo obshchestva. Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2021. V. 21. № 1. P. 97–109. (In Russian)
  13. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii (yanvar'-iyun' 2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (data obrashcheniya 28.11.2022). (In Russian)
  14. *Sychev O.A., Belousov K.I., Zelyanskaya N.L., Anoshkin I.V.* Migratsionnye namereniya rossiyan: svyaz' s identichnost'yu i moral'nymi osnovaniyami. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 52–63. (In Russian)
  15. *Titov A.S., Lepshokova Z.Kh.* Individual'nye tsennosti predprinimatelei kak prediktory ikh planiruemogo blagotvoritel'nogo povedeniya [Elektronnyi resurs]. Organizatsionnaya psikhologiya, 2020. V. 10. № 3. P. 140–163. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (data obrashcheniya 28.11.2022). (In Russian)
  16. *Sharipova D., Beimenbetov S.* Molodezh' v Kazakhstane: otsenka tsennostei, ozhidaniy i stremlenii. Almaty, 2021. 98 p. (In Russian)
  17. *Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S.* Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii. Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2012. V. 9. № 1. P. 43–70. (In Russian)
  18. Emigratsionnye nastroyeniya — 2020: gde rodilsya, tam i prigodilsya. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigratsionnye-nastroyeniya-2020-gde-rodilsya-tam-i-prigodilsya> (data obrashcheniya: 29.11.2022). (In Russian)
  19. Emigratsionnye nastroyeniya rossiyan — 2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigratsionnye-nastroyeniya-rossiyan-2018> (data obrashcheniya: 29.11.2022). (In Russian)
  20. Emigratsionnye nastroyeniya. 06.04.2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/04/06/emigratsionnye-nastroyeniya-5/> (data obrashcheniya: 29.11.2022). (In Russian)
  21. Emigratsionnye nastroyeniya: monitoring. 4 aprelya 2022 g. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigratsionnye-nastroyeniya-monitoring> (data obrashcheniya: 22.11.2022). (In Russian)
  22. *Ajzen I.* Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (accessed: 10.08.2022).
  23. *Ajzen I.* The theory of planned behavior. Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. V. 50. № 2. P. 179–211.
  24. *Berlinschi R., Harutyunyan A.* Do Migrants Think Differently? Evidence from Eastern European and Post-Soviet States. International Migration Review. 2019. V. 53. № 3. P. 831–868.
  25. *Carling J., Collins F.* Aspiration, desire and drivers of migration. Journ. of Ethnic and Migration Studies. 2018. V. 44. № 6. P. 909–926.
  26. *Collins F.L.* Desire as a Theory for Migration Studies: Temporality, Assemblage and Becoming in the Narratives of Migrants. Journ. of Ethnic and Migration Studies. 2018. V. 44. № 6. P. 964–980.
  27. *Dommermuth L., Klüsener S.* Formation and realisation of moving intentions across the adult life course. Population Place and Space. 2018. V. 25. № 5. P. 1–24.
  28. *Fishbein M., Ajzen I.* Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.
  29. *Francis J. et al.* Constructing questionnaires based on the theory of planned behaviour: A manual for health services researchers. Newcastle upon Tyne, UK: Centre for Health Services Research, University of Newcastle upon Tyne. 2004. URL: <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/1735> (accessed: 28.11.2022).
  30. *Gorgievski M.J., Stephan U., Laguna M., Moriano J.A.* Predicting Entrepreneurial Career Intentions: Values and the Theory of Planned Behavior. Journ. of Career Assessment. 2018. V. 26. № 3. P. 457–475.
  31. *Hooijen I., Meng C., Reinold J.* Be prepared for the unexpected: The gap between (im)mobility intentions and subsequent behaviour of recent higher education graduates. Population, Space and Place. 2020. V. 26. № 5. P. 1–21.
  32. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2011. 432 p.

33. *Leong C.-H.* The socio-psychological profile of prospective emigrants: Singaporeans leaving Singapore. Ed. E. Tartakovsky. *Immigration: Policies, challenges, and impact.* Hauppauge, N.Y., Nova Science Publishers, 2013. P. 29–49.
34. *Morell-Gomis R. et al.* Predicting cannabis use among adolescents in four European Countries: combining personal values and the theory of planned behavior. *The Journ. of Genetic Psychology.* 2020. V. 181. P. 413–426.
35. *Schwartz S.H.* Basic individual values: Sources and consequences. Eds. D. Sander, T. Brosch. *Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology.* Oxford University Press, 2015. P. 63–84.
36. *Schwartz S.H. et al.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. *Journ. of Cross-Cultural Psychology.* 2001. V. 32 (5). P. 519–542.
37. *Schwartz S.H.* Instructions for Computing Scores for the 10 Human Values and Using them in Analyses. In *Documentation for ESS-1.* 2003. URL: http://ess.nsd.uib.no/ess/doc/ess1_human_values_scale.pdf/ (accessed: 30.11.2022).
38. *Tabor A.S., Milfont T.L., Ward C.* The Migrant Personality Revisited: Individual Differences and International Mobility Intentions. *New Zealand Journ. of Psychology.* 2015. V. 44. № 2. P. 89–95.
39. *Tartakovsky E., Schwartz S.H.* Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews. *International Journ. of Psychology.* 2001. V. 36. № 2. P. 88–99.
40. *Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M.* Motivational goals, group identifications, and psychosocial adjustment of returning migrants: The case of Jews returning to Russia. *International Journ. of Psychology.* 2017. V. 52. P. 78–86.
41. *Van Dalen H., Henkens K.* Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005–10. *Population Studies.* 2013. V. 67. № 2. P. 225–241.